

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ: ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ, ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ

Сборник статей по материалам XVI международной заочной научно-практической конференции

№ 7 (16)
Июль 2013 г.

Издается с мая 2012 года

Москва

УДК 3
ББК 6/8
НЗ4

Ответственный редактор: Васинович М.А.

НЗ4 Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. № 7 (16): сборник статей по материалам XVI международной заочной научно-практической конференции. — М., Изд. «Международный центр науки и образования», 2013. — 84 с.

ISSN 2309-2211

© ООО «Международный центр науки и образования», 2013.

2.2. ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РИТУАЛЬНЫХ ТАНЦЕВ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Богород Анатолий Владимирович

*аспирант, Киевский университет имени Бориса Гринченка,
г. Киев*

Тема общеславянского прошлого в период Древней Руси и раннего средневековья была предметом научного дискурса на протяжении последних столетий как в России, так и в Украине. Более активно общие этнические черты и истоки изучались и дискутировались в XX в., когда идея «общей колыбели» трех славянских народов: белорусов, россиян и украинцев была «краеугольным камнем» советской идеологии. Общие черты искали и в религии древних славян, и в социально-политическом укладе, в культурных и душевных особенностях, в языке и материальных артефактах и пр. Но попытки разыскать общее в народном творчестве и духовных особенностях часто приводили к противоположным результатам. Язык, песенная культура, мелос и танец свидетельствовали не столько об общности, сколько о различиях.

Цель статьи — детальный обзор ритуальных танцевальных традиций восточных славян и ввести в научный дискурс тему традиционного ритуального танца славян.

Для достижения указанной цели предусмотрено решение таких задач:

- собрать и проанализировать основные литературные источники по традиционной дансологии восточных славян (украинцев, россиян и белорусов);
- рассмотреть всевозможные упоминания о ритуальных танцах славян в исторической, философской, религиоведческой, этнографической и фольклористической литературе;
- определить особенности бытования (функционирования) и сохранения танцевальных древностей восточнославянских народов в условиях господствующих религиозных основных парадигм: языческой и христианской;

- проанализировать современное состояние традиционной танцевальной культуры украинцев, россиян и белорусов и место ритуальных танцев сегодня.

После внимательного знакомства с обширной научной и научно-популярной литературой, посвященной этнокультурологическим процессам развития украинцев, россиян и белорусов, выяснилось, что древнему традиционному танцевальному искусству и танцевальной культуре славянских народов не уделялось должного внимания. Существует только одно диссертационное исследование, преследовавшее главную цель — исследование танцевальной культуры Древней Руси — О.Елѣхиной «Проблемы развития танцевального искусства Украины. Период Киевской Руси» [22]. В прежнее время такую тему выносить на защиту было не реально, учитывая бытующую в советской науке предубеждение, что в период существования Киевской Руси украинцев (как и прочих славянских народов) еще не существовало ни как нации, ни как народности, ни как племени. Поэтому, исследователь древней культуры времен Руси мог позволить себе исследовать либо культурные древности русичей (русских), либо древних славян: «русские танцы» или «славянские танцы». К тому же изречение «славянские танцы» до сих пор бытует обычно в двух основных вариантах: в значении древнероссийских (древнерусских) и современных русских танцев [13], либо — сценических авторских танцев современных россиян [43]. В искусстве слово «славянские» было использовано в отношении музыкальных пьес А. Дворжака «Славянские танцы», среди которых звучали и польские танцевальные мелодии.

К славянской этнической ветви сегодня принято причислять 15 народов. Это крупнейшая этническая общность Европы, в которую входят западные славяне (поляки, чехи, словаки, кашубы и лужичане), южные славяне (болгары, сербы, хорваты, боснийцы, македонцы, словенцы, черногорцы) и восточные славяне (русские, украинцы, белорусы). Поэтому исследование ее духовных и материальных особенностей — это необходимый и важный вопрос современности для предупреждения различных этнических проблем в условиях поликультурного, полирелигиозного и этнического многообразия. Иные источники насчитывают 44 народа и племени существовавших в истории [49]. Наше исследование предусматривает рассмотрение вопросов, связанных только с традиционной танцевальной культурой восточных славян.

В советское время, для развития сценического танцевального искусства, издавались репертуарные сборники сценических танцев.

В них отдельное место отводилось народно-сценическим танцам основных славянских народов: россиян, болгар, сербов, поляков, украинцев, белорусов и пр. (Т. Ткаченко [54], А. Борзов [9], Е. Зайцев [24] и др.). Но, к сожалению, эти издания вообще не касались традиционных и, тем более, ритуальных традиций славянских народов. Кроме того, до сих пор не существует исследования, посвященного вопросам древних танцевальных обычаев всех славян или какого-либо славянского народа в отдельности, хотя, как ни странно, что в 2012 году в Санкт-Петербурге А. Вац защитила диссертацию «Религиозно-ритуальные аспекты китайского танцевального искусства».

Известно, что в советское время проводились и издавались исследования о танцевальных культурах отдельных славянских народов: русского (К. Голейзовский [19], Н. Бачинская [5], Т. Устинова [55], А. Климов [28]), украинского (В. Верховинец [14], А. Гуменюк [20; 21], К. Василенко [12]) и белорусского (Ю. Чурко [57; 58], Л. Алексютрович [1]). Но они касались, прежде всего, историко-дансологических аспектов последних веков. В постсоветское время подобные исследования были продолжены (В. Захаров [25], Н. Заикин и Н. Заикина [23], А. Афанасьева [4]) и украинцев (О. Елѣхина [22], С. Легка [34], В. Шкориненко [60] и др.). Все эти исследования тоже изучались на предмет наличия информации о древнейших образцах славянских традиционных плясок и описания остатков ритуальных танцевальных обычаев и культуры восточных славян. Религиозный контекст древней религиозно-ритуальной хореографии восточных славян никем еще не рассматривался и не изучался. А первичное славянское понятие «пляска», означающее в прошлом все явлений и жанры традиционного танцевального искусства славян, сегодня активно используется танцевальными ансамблями войсковых подразделений — «Ансамблями песни и пляски». В ином значении ему чаще всего склонны приписывать «первоначальную стихийность» [19, с. 7] и воспринимать как «примитивный» вид танцевальной деятельности и танцевального «творчества» необразованной сельской общины. Может потому в отечественной лингвотрадиции и этнографической литературе для славянского слова «пляска» можно встретить эпитеты передающие «бешенство», несдержанность и беспорядок: «бойкий, буйный, грубый, дикий, залихватский, лихой, неистовый, необузданный, огневой, размахистый, раскованный, резвый, резкий, самозабвенный, сумбурный, ухарский (простореч.), хаотический, хаотичный и др.» [50].

Отдельные аспекты танцевальных древностей славян рассмотрены также в трудах В. Михневича [37], А. Афанасьева [3], А. Фаминцына [56], И. Сахарова [48], А. Терещенко [53], А. Белкина [6], З. Власовой [17], В. Соколовой [51], Б. Рыбакова [46; 47], Т. Бернштам [7], Я. Ковальчук [29], В. Шаяна [59], М. Влад [16], С. Килимник [26], О. Воропай [18], Ю. Климец [27] и др.

Немаловажную ценность представляют и древние христианские летописи, жития святых, поучения, указы и рекомендации христианской церкви касательно традиционной танцевальной культуры древних славян и танцевальной деятельности вообще.

В соответствии с решаемыми заданиями, в статье рассматривается начальный этап эволюции восточнославянского традиционного танца, танцевального мышления и ментальности славян, который мы определили как архаичный или ритуальный.

Попытки найти положительную научную информацию в древних христианских источниках оказались безуспешными, даже учитывая то, что они считаются древнейшими источниками этнографического образца, ибо о танцевальных традициях славян в них извещается либо в оскорбительной форме, либо с крайним пренебрежением. В них использовалась религиозная бранная лексика, не поддающаяся беспристрастной научной обработке. Переводя этот текст, каждый ученый исходит из своего мировоззрения и миросозерцания, извращая или украшая первичный текст летописей, пытаясь подменить понятия современными политкорректными или наоборот. Так, к примеру, слово «погане», встречающейся в «Повести временных лет», Д. Лихачев перевел как «язычники» («Этого же обычая держались и кривичи, и прочие *язычники*...») [42], а украинский переводчик Л. Махновец — «паганцы»/«погань» («Цей же звичай був і у кривичів та іншої *погани*...») [36]. Такие переводы только усложняют работу с заново изданными древними писаниями, переведенными различными учеными. К тому же, попытки упростить бранные изречения христианских летописцев и теологов, приводят к неоправданным искажениям и «порче» первичного текстового материала.

В христианских летописях можно встретить только несколько сообщений о танцевальной культуре и танцевальных обычаях древних русичей дохристианского периода и периода распространения христианства на Руси.

В современной научной искусствоведческой и, в особенности, дансологической литературе можно встретить разные теории о происхождении танцевального искусства и танцевального творчества. Так А. Амашукели наводит шесть концепций происхождения

танцевальной деятельности человечества: *теологическую*, озвучивающую божественное происхождение танца; *космологическую*, усматривающую источник танца в косморитмических влияниях; *природную*, выводящую танец из земных явлений и процессов; *социологическую*, ищущую начало танца в надындивидуальных общественных структурах: труде, развлечении, религии и т. д.; *биологическую*, видящую источник танца человека в животном мире; *психологическую*, укореняющую танец в человеческих психических состояниях и реакциях [2].

В работах украинских и российских этнологов, изучавших танцевальное сознание и танцевальное мышление древних и современных славян, встречаем указания-намеки, по крайней мере, на две концепции происхождения или зарождения танцевального искусства и обычаев, соотносящимся с вышеперечисленными: *природную* (В. Верховинец), и *теологическую*, точнее, — *«демонологическую»* (А. Афанасьев, М. Коцюбинский, Леся Украинка и др.).

Анализируя христианскую концепцию происхождения танцевального творчества русичей, описанную в летописях и других сочинениях и поучениях теологов, монахов и церковнослужителей, складывается впечатление, что танец, и в особенности танец восточных славян, — это действенный атрибут («оружие») Сатаны-Диавола и прочей демонической «бесовщины»:

«Но дьявол обманывает и этими и иными способами, всякими хитростями отвращая нас от Бога, трубами и скоморохами, гусями и русалиями. Видим ведь, как места игрищ утопаны, и людей множество на них, как толкают друг друга, устраивая зрелища, бесом задуманные, — а церкви пусты стоят; когда же бывает время молитвы, молящихся мало оказывается в церкви...» [42].

Подобные описания и нападки на танцевальные обычаи славян-русичей можно встретить и в других известных христианских древностях. Показательные в этом плане — «Киево-Печерский Патерик» и «Послание князю Константину Острожскому» монаха Иоанна Вышенского (1599). В первом случае демоны «заставляют» черноризца-отшельника Исакия танцевать [славянские танцы?], подыгрывая ему на древних славянских инструментах, пока тот не падает обессиленный, без признаков жизни [40]. Здесь танец использован как способ «поиздеваться» над праведным христианским монахом. Сокращенное описание этого христианского мифа встречаем в той же «Повести временных лет». Во втором источнике, Иоанн Вишенский в письме князю Острожскому обозленно сетует на явные проявления древних языческих ритуальных культов в украинских

поселениях конца XVI века: «На Георгия-мученика упраздните дьявольский праздник, выходя на поле и отдавая *танцами* и *скаканиями* офиру сатане, злится на вашу землю Георгий-мученик, что нет православного христианина, который мог бы это дьявольское надругательство очистить и изгнать» [15, с. 48].

Подобные нападки можно встретить во многих отдельных писаниях и поучениях, в распространенных христианских мифах и легендах [44]. К тому же, в 90-й главе «Стоглава», со ссылкой на 51-е правило Шестого Вселенского собора, предписано «отлучать» от церкви всех, кто «играет и *плясание творит*» [52]. Постепенно запретная тема внедрилась в сознание последующих поколений и поэтому стали появляться предания, описывающие наказания за исполненный танец во время христианского праздника. Е. Левкиевская одно такое повествование внесла в свою книгу «Мифы русского народа»: «По окрестностям Тулы рассказывают, что группа камней, расположенных кругом, — это окаменевший хоровод девушек, наказанных за пляску на Троицу» [33]. Такая религиозно-идеологическая парадигма не способствовала изучению и сохранению танцевальных древностей русичей как древних, так и современных. Не удивительно, что изучение танцевального творчества восточных славян на государственном уровне началось только после «отделения» церкви от государства и школы — в период атеизации и секуляризации общества. Но даже в этот период борьба с танцеванием продолжалась в религиозном сознании; всем известная история о Зое, «вросшей» в пол деревянного дома после предпринятого совместного танца с иконой Николая Чудотворца [11].

Но именно советский период был ознаменован многочисленными исследованиями танцевального феномена человечества и славянских народов каждого в отдельности. А в постсоветский период встало возможным изучение всех, за исключением религиозных, аспектов танцевального творчества и танцевальной деятельности, а также, — использование дансологических знаний в научных, образовательных, культурных и лечебных (терапевтических) целях.

Специалисты в разных отраслях культуры и искусства отмечают, что групповые ритмичные телесные движения способствуют появлению чувства сближения, единения людей, появлению чувства «родства». Поэтому разные народы имеют в своей истории танцы, построенные по принципу круга, танцы в кругу со сплетенными руками на плечах друг друга или просто соединение рук. Такой танец более всего объединял участников в общем ритуально-танцевальном действии.

Некоторые современные ученые считают, что танец на начальном историческом этапе имел ярко выраженный ритуальный характер и четко определенную структуру [38]. Иные утверждают, что параллельно с ритуальными танцами, существовали и внеритуальные виды плясок [30]. Учитывая многочисленные поводы (семейные и календарные праздники, государственные и религиозные обряды и ритуалы), отмечаемые в дохристианский период, можно с уверенностью утверждать, что четкой грани между ритуальными и светскими (внеритуальными) танцами в языческом прошлом славян не существовало. Ведь вся жизнь славянина-язычника состояла из разного рода именно религиозных ритуалов и праздников.

С введением христианства на Руси и увеличением количества скорбных христианских «праздников» (вместо веселых языческих), поводов для ритуального танцевания (плясания) оставалось еще предостаточно. Сохранению и распространению танцевальных ритуалов способствовали скоморохи, против которых ополчились христианские церковнослужители и теологи, постоянно издавая церковные правила и указы. Так «вопрос 23» «Стоглава» гласит: «В троицкую субботу по селам и погостам сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся по гробам с великим кричанием. А когда начнут играть скоморохи гудцы и прегудницы, они же, от плача преставши, начнут *скакать* и *плясать* и в ладони бить и неси сатанинские петь... И о том ответ. Всем священником по всем градам и по селам, чтобы детей своих духовных наказывали и поучали: в кое время родителей своих поминают..., скоморохом и гудцом и всяким глумцом *запрещали* и *возбраняли...*» [52]. Только в одном «Стоглаве» указано шесть христианских праздников («навечерие Рождества Христова», «крещении Христова», «Велице дни» (Пасху), «Троицкую субботу», «Русалии», «Ивановы дни»), во время которых христиане продолжали исполнять свои древние танцы, полностью утратившие со временем свое религиозно-языческое значение и предназначение.

Несмотря на многовековое преследование скоморохов и постоянную систематическую борьбу с танцами, древние танцевальные обряды восточных славян все же сохранялись до начала XX века и проводились параллельно с христианскими церковными ритуалами. Так после церковной службы крестьяне продолжали свои веселья возле христианских храмов, часто возведенных на местах бывших языческих собраний, увеселений и религиозных обрядов. Но это тема отдельного исследования, ибо практика возводить христианские храмы на языческих культовых местах или вместо

древних языческих капищ, восходит еще со времен Владимира Крестителя и описана в древних летописях.

Танец, как неотъемлемая часть языческого религиозного культа, был средством обеспечения ввода танцующих в особенное психическое состояние, отличающееся от повседневного. Танцевать традиционные народные танцы умели и любили все и эта особенность сохранялась даже в XX ст., но без профессиональных музыкантов и танцоров (скоморохов) языческий праздник не обходился. Многие церковнослужители сообщали, что с появлением скоморохов настроение людей изменялось со скорбного, на веселый задор и все начинали танцевать, «скакать», петь и веселиться. Даже танцы при покойнике [32] и танцы на кладбищах [52] носили веселый характер и должны были веселить и потешать (успокаивать) покойных предков и, быть может, в предхристианское время — и всех местных языческих Богов.

Не удивительно, что с распространением христианства на Руси все Боги и антропоморфные мифические существа продолжали танцевать и побуждали к танцам всех людей, включая монахов и церковнослужителей [10]. Именно эти танцевальные качества мифологических существ древнеславянской религии описали в своих художественных сочинениях Леся Украинка («Лесная песня» [35]), М. Коцюбинский («Тени забытых предков» [31]) и др. [39]. Именно эта особенность дает право к шести известным концепциям происхождения танцевальной деятельности причислить седьмую концепцию, условно названную *«демонологической»*, включающую религиозную идею распространения танца среди людей от танцующих мифологических существ. Конечно же, учитывая тот факт, что в дохристианском прошлом эти существа были большей частью «богами», то эту «демонологическую концепцию» можно с уверенностью считать подвидом «геологической» концепции.

Таким образом, учитывая особенности древнеславянского танцевального (дансологического) мышления, можно с уверенностью утверждать, что танцевальное «искусство» в Древней Руси воспринималось как «дар древних богов», как божественное качество, примета и особенность. Если бы в новой чужестранной религии — христианстве — танцевать умели и любили хотя бы Иисус Христос или его ученики, то все танцевальные ценности и все танцевальное наследие Древней Руси процветало бы и развивалось даже в условиях смены религиозной парадигмы и мифологии.

Российский балетовед К. Голейзовский, осуждая борьбу христианства с народной танцевальной традицией, все же, усматривает

позитивную роль такой жестокой борьбы: «Непримиримая борьба христианства с язычеством, носившая жестокий и острый характер, отразилась на общем укладе русской жизни. Духовный мир русского человека был приведен в смятение этой беспощадной борьбой. Это серьезным образом сказалось и на русской хореографии, однако она вышла из борьбы *обновленной, возродилась и приняла более организованные формы*, постепенно утратив первоначальную стихийность» [19]. В противовес К. Голейзовскому звучат мысли современного российского культуролога и дансолога В. Ромма, утверждающего, что ритуальный танец Древней Руси имел черты классической хореографией [45].

Трудно согласиться с К. Голейзовским, ибо не о каком «обновлении» и «возрождении» после такой методической и систематической борьбы в христианской идеологии со славянским танцевальным мировоззрением говорить не приходится. Традиционный танец или то, что от него сегодня осталось, сохранился не в результате, а вопреки всем мерам и мероприятиям, предпринятым христианской церковью и государством с древнейшим танцевальным искусством и дансологическим мышлением славянских народов на протяжении почти тысячелетней истории борьбы. Ф. Богородский сообщает, что «крест и печать при крещении на устах [ставили], чтобы в будущем окрещенный не пел похабных песен; то же на ногах, — чтобы... не плясал» [8].

Кстати, «обновляться» и «возрождаться» русская, украинская и белорусская хореография начала только в советский период и то, вследствие бурного развития профессиональной «народно-сценической и классической (балетной) хореографии. А в своей естественной среде традиционная пляска сначала утратила древние этнические черты и соединила в себе всевозможные иноэтнические элементы (движения, фигуры, характер и колорит), потом стала постепенно исчезать и забываться. По утверждению российского дансолога И. Петроченко, «если еще в XVIII—XIX веках в ее развитии отмечалось стремление..., к наполнению иноземных бытовых композиционных схем национальным содержанием и стилем, то к концу XX века в бытовых танцах современности практически не осталось ничего национального» [41].

Можно дискутировать по этому поводу, ибо подобная мысль была озвучена практикующим хореографом впервые в истории российской и отечественной дансологии после специальных исследований. Но для такого утверждения необходимо провести не одно специальное исследование основных черт и особенностей

традиционных танцевальных культур восточнославянских народов на предмет аутентичности. А все современные исследования в действительности проводятся только в неразрывной связи со сценическим искусством, которое сегодня ошибочно продолжают называть «народными танцами».

Список литературы:

1. Алексютрович Л. Белорусские народные танцы, хороводы, игры: Учебное пособие. — Минск: Высшая школа, 1978. — 528 с.
2. Амашукели А. Эстетика танца // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века. Материалы научной конференции 10 октября 2001 г. Серия Symposium. — СПб., 2001. — Вып. 16. — С. 10—13.
3. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3-х т. — М.: Современный писатель, 1995.
4. Афанасьева А. Традиционный танцевальный фольклор современной русской деревни (на материале Северо-Западной зоны РСФСР): диссертация на соискание ученой степени канд. искусствознание. — Ленинград, 1984. — 302 с.
5. Бачинская Н. Русские хороводы и хороводные песни. — М.; Ленинград: Музгиз, 1951. — 112 с.
6. Белкин А. Русские скоморохи. — М.: Наука, 1975. — 192 с.
7. Бернштам Т. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. — Ленинград: Наука, 1988. — 276 с.
8. Богородский Ф. Речь родителям и восприемникам после крещения и миропомазания новорожденного младенца // Проповеди — 1884. — Май. — С. 226—130.
9. Борзов А. Народно-сценический танец. Экзерсисы у станка. — М.: ГИТИС, 2008. — 491 с.
10. Булашев Г. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях космогонічні. Українські народні погляди та вірування. — К.: Довіра, 1992. — 416 с.
11. Варсегов Н. Танцюя с иконой, богохульница Зоя окаменела // Комсомольская правда. — 3 ноября 2004 — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.kp.ru/daily/23394/33533/> (дата обращения 24.07.2013)//
12. Василенко К. Український танець. — К., 1997. — 282 с.
13. Венок славянских танцев — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.pereplyas.ru/events/1582/> (дата обращения 24.07.2013).

14. Верховинець В. Теорія українського народного танцю. — К.: Муз. Україна, 1990. — 149 с.
15. Вишенський І. Послання Івана Вишенського князю Острозькому 1599 року // Вишенський І. Твори. — К.: Дніпро, 1986. — 247 с.
16. Влад М. Стрітенне. Книжка гуцульських звичаїв і вірувань. — К.: Український письменник, 1992. — 223 с.
17. Власова З. Скоморохи и фольклор. — СПб.: Алетей, 2001. — 522 с.
18. Воропай О. Звичаї нашого народу: Етнографічний нарис. — Мюнхен 1958—1966. — Ч. 1—2.
19. Голейзовский К. Образы русской народной хореографии. — М.: Искусство, 1964. — 368 с.
20. Гуменюк А. Народне хореографічне мистецтво України. — К., 1963. — 235 с.
21. Гуменюк А. Українські народні танці. — К.: Наукова думка, 1969. — 616 с.
22. Єльохіна О. Проблеми розвитку танцювального мистецтва України. Період Київської Русі: Автореф. дис... канд. мистецтвознавства. — К., 1996. — 25 с.
23. Заикин Н. Областные особенности русского народного танца: Учебное пособие / Н. Заикин, Н. Заикина. — Орел, 2003–2004. — Ч. 1—2.
24. Зайцев Е. Основы народно-сценического танца: пособие. — К.: Мистецтво, 1975. — 223 с.
25. Захаров В. Поэтика русского танца: В 2-х тт. — М., 2004.
26. Килимник С. Український рік у народних звичаях в історичному освітленні: [у 3 кн., 6 т.]. — К.: Обереги, 1994. — Кн. 2. — Т. 3—4. — 1994. — 400 с.
27. Климець Ю. Купальська обрядовість на Україні. — К.: Наукова думка, 1990. — 143 с.
28. Климов А. Основы русского народного танца. — М.: Искусство, 1981. — 270 с.
29. Ковальчук Я. Свята на Україні у звичаях та забобонах. — Харків; К., 1930. — 111 с.
30. Королева Э. Ранние формы танца. — Кишинев: Штинца, 1997. — 216 с.
31. Коцюбинський М. Тіні забутих предків. Новели. — Харків: Клуб Сімейного Дозвілля, 2011. — 352 с.
32. Коцюбинський Михайло. Тіні забутих предків. Новели. — Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2011. — 352 с.
33. Левкиевская Е. Мифы русского народа. — М.: АСТ, 2000. — 528 с.
34. Легка С. Українська народна хореографічна культура ХХ століття: Автореф. дис... канд. іст. наук. — К., 2003. — 20 с.

35. Леся Українка Лісова Пісня: Драма-феєрія в 3 діях // Леся Українка. Зібрання творів у 12 тт. — К.: Наукова думка, 1976. — Т. 5. — С. 201—298.
36. Літопис Руський. За Іпатським списком / Переклав Л. Махновець. — К., 1989.
37. Михневич В. Исторические этюды русской жизни: В 2-х кн. — М., 2011. — 424 с. — Кн. 2: Пляски на Руси в хороводе, на балу и в балете (исторический очерк).
38. Морина Л. Ритуальный танец и миф // Религия и нравственность в секулярном мире. Материалы научной конференции. 28—30 ноября 2001 года. Санкт-Петербург. — СПб., 2001. — С. 18—24.
39. Огнений змій. Фантастичні твори українських письменників XIX ст. / Перекл. В. Шекчук. — К.: Молодь, 1990. — 288 с.
40. Патерик Печерский или Отечник / Марк (Лозинский). — К., 1996. — М., 1996. — 672 с.
41. Петроченко Н. Народный танец в современных условиях: к вопросу о понятии и методологии исследования — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.culturalnet.ru/main/getfile/91> (дата обращения 24.07.2013).
42. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 года / Перев.: С. Лихачева, О. Творогова. — СПб.: Вита Нова, 2012.
43. Положение о Всероссийском фестивале хореографических коллективов «Венок славянских танцев» — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rusfolk.ru/ru/fest/2160/> (дата обращения 24.07.2013).
44. Розов А. Этнографические и фольклорные материалы на страницах журнала «Руководство для сельских пастырей» (1860—1917). Аннотированный тематико-библиографический указатель // Русский фольклор: Материалы и исследования. — СПб., 2001. — Т. 31. — С. 334—400 — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/rozov1.htm> (дата обращения 24.07.2013).
45. Ромм В. Классический танец в обрядовых танцах Древней Руси // Образование в культуре и культура образования. Сб. научн. докладов НИИ ФО НГПУ. — 2002. — С. 86—93.
46. Рыбаков Б. Язычество Древней Руси. — М.: Наука, 1987. — 790 с.;
47. Рыбаков Б. Язычество древних славян. — М.: Наука, 1994. — 610 с.
48. Сказания русского народа: В 2-х ч. / Собр. И. Сахаровым. — СПб., 1885. — 564 с.
49. Славянские народы и племена // Сайт «Гражданское общество» — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://overseaex.narod.ru/Folks/Slavjane.html> (дата обращения 24.07.2013).
50. Словарь эпитетов — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.slovopedia.com/24/210/1648474.html> (дата обращения 24.07.2013).

51. Соколова В. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. — М.: Наука, 1979. — 286 с.
52. Стоглавый собор (Деяния). — СПб.: Воскресение, 2002. — 274 с.
53. Терещенко А. Быт русского народа: В 7-ми ч. — СПб., 1848.
54. Ткаченко Т. Народный танец. — М.: Искусство, 1954. — 683 с.
55. Устинова Т. Русский народный танец. — М.: Искусство, 1976.
56. Фаминцин А. Скоморохи на Руси. — СПб., 1889. — 195 с.
57. Чурко Ю. Белорусский народный танец. — М.: Искусство, 1991. — 223 с.
58. Чурко Юлия. Белорусский хореографический фольклор. — Минск.: Выс. Школа, 1990. — 415 с.
59. Шаян В. Віра Предків наших. — Гамільтон, 1987. — Т. 1. — 893 с.
60. Шкоріненко В. Народний танець у традиційній і сучасній культурі України: Автореф. дис... канд. мистецтвознавства. — К., 2003. — 18 с.